

А.П. Егидес

Эволюция без революций

Было время безвременья в истории российской психологии, когда не было кандидатов и докторов психологических наук, а были только кандидаты и доктора педагогических наук (по психологии), и философских наук (по психологии) — да-да, с такими вот нелепыми скобками. Было потому, что психология была служанкой марксизма-ленинизма. А потом вроде как стало ясно, что психологические науки — самодостаточные науки. Что кроме теоретических «основополагающих» рассуждений, существуют практические аспекты. И вот после идеологического засилья психологи стали импортировать западные методики, причем интересовались преимущественно прикладными аспектами. Леворукость, комплексы неполноценности у инвалидов, реакция эмансипации у подростков, суицидальное поведение у пожилых... Стала развиваться и психологическая конфликтология... наряду с множеством других практико-психологических направлений. И вот здесь поставим запятую и вопросительный знак. Какие психологические явления наиболее часты и наиболее значимы для человека? Кривая Эбингауза и феномен Зейгарник? Или межличностные и социальные конфликты? Любой экспресс-опрос обнаруживает приоритет проблемы конфликтов. Оно и понятно: закономерность, открытая Эбингаузом (запоминается и воспроизводится лучше начало и конец ряда) стала широко известна лишь благодаря фильму про Штирлица, а **конфликты — это вся история человечества**. Но вот парадокс: конфликтология как наука вышла на арену совсем недавно. А ведь при всей важности прочих психологических проблем, **конфликты глобально значимы для жизни личности и общества**.

Учитывая все эти соображения, при возрождении преподавания психологии в средней школе имеет смысл отдать приоритет психологической конфликтологии. Усилим: **конфликтологическая компетентность народа должна формироваться в средней школе**.

Начнем от печки. Противоречие движет миром — таков категорический императив Гегеля. И он такой же мощный, как и категорический императив Канта насчет нравственности. И от Гегеля, как и от Канта, никуда не увернешься. Как никуда не денешься от перерождения противоречий в конфликты. Все это стало общим местом в философии, социологии, психологии. Но это еще не беда.

Беда в том, что конфликты межличностные и межгрупповые «плавно» этак переходят в конфликты межпоколенные и межполовые, конфликты между сторонниками и противниками одно-

Егидес Аркадий Петрович — доктор психологических наук, заведующий кафедрой конфликтологии Московской финансово-промышленной академии.

полой ориентации, конфликты между интеллигенцией и интеллигенцией... Да мало ли, ведь свинья грязи найдет... Но вряд ли все названные межгрупповые конфликты пойдут в сравнение с межэтническими, межконфессиональными и международными конфликтами, а эти три по степени остроты могут быть сопоставимы с **революциями**.

И если мелкие конфликты иногда «украшают» жизнь, типа того, что милые бранятся — только тешатся, то конфликты средней силы доставляют неприятные напряжения. А революции вообще приводят к **социальным потрясениям**. Мы здесь и поведем речь больше именно о революциях и об их предотвращении.

Катя в «Хожении по мукам» Алексея Толстого произносит фразу: «И мы выпили за революцию»... Потому что революция в глазах интеллигенции — романтично. А потом и последовало собственно хождение по мукам. Потому что революция — это не только романтично. Во время революций выгоняют с работы. С насиженных мест. А то и из страны! Любимая интеллигентницей Марина Цветаева писала: «Переезд! Не жалейте насиженных мест!» А потом: «Тоска по родине... давно разоблаченная морока... Мне совершенно все равно где совершенно одинокой быть...» Революция — это кровь. Революция — голод. Разруха. Люди лишаются имущества и жизни. Рушатся здания и надежды...

Так было и в прошлом. Но сделаем поправку на технический прогресс: сто лет назад гражданская война — это пулеметная тачанка, а сейчас — это «башни-близнецы», а то и взорванные АЭСы. А отсюда недалеко и до ядерной зимы...

Но разбираемся дальше... Революцию делают люди агрессивные. Они называют себя профессиональными революционерами. Агрессивность проявляется, прежде всего, в жажде крови. Она оправдывается по-всякому. Опасениями в смысле реставрации. Царскую семью расстреляли из-за того, что надвигался Колчак. Большевики здесь осуществили то, что хотели веком раньше сделать «благородных кровей» декабристы.

В психологии толпы — от поклонения до ненависти один шаг. Это используют революционеры. Управляли на царство Бориса Годунова — через шесть лет убили его детей... Сталина боготворили — остались пьедесталы...

Но агрессивность не только в жажде крови. Она и в конкуренции. И в лидерстве. А главное: **в конкуренции за лидерство**. Мастер тончайшего юмора Анатолий Франс говорил, что есть множество способов придти к власти, но нет ни одного способа ее удерживать. Так что при достижении власти тут же начинается ее **передел**. И в нем не меньше крови, чем в самих первоначальных революционных действиях. Вот и получается, что, свергнув царя, сначала власть берут левые эсеры вместе с правыми эсерами. Почти сразу левые эсеры вместе с большевиками свер-

гают правых эсеров. Опять почти сразу Ленин и Троцкий убирают левых эсеров. Потом Сталин в союзе с Зиновьевым убирает Троцкого. (Бедный Троцкий! Творец заградотрядов и автор идеи о мировой перманентной революции!) Потом в союзе с Бухариным убирает Зиновьева. Ну и т. д. Бухарин входит в «и так далее»... Прямо слезы из глаз... Здесь главное, что «процесс пошел». Россия — это только пример. Все так делают. Помним знаменитое «Боги жаждут!» Но те, кого прогнали, хотят вернуться. И не бездействуют. А действуют. И действуют ожесточенно. Ужесточается и **защита** завоеваний революции. В ответ на белый террор объявляется красный террор. За одного нашего — двух ваших. Шпиономания. Брррр...

А «за что боролись»? Революционеры сначала увлекают за собой широкие слои народа декларациями о справедливости. Опять же знаменитое «свобода, равенство, братство»! Но новая власть всегда перерождается **в подобие** прежней. Опять расслоение, хотя и меняются способы. Так было в первой четверти двадцатого века в России. Посетивший в 1920 году Россию Бертран Рассел рассказал о большевиках следующее. «Практически они одни обладают властью, вследствие чего могут иметь бесчисленные преимущества. Большинство из них — далеко не впадая в роскошь — питаются все же лучше, чем весь народ. Только люди с определенным политическим весом могут иметь телефон или автомобиль. Возможностей поехать куда-либо поездом, сделать покупки в советских магазинах (где цена примерно в пятьдесят раз ниже, чем на рынке), пойти в театр и так далее, конечно же, больше у тех, кто близок к власти, чем у простых смертных. И тысячами способов коммунисты могут достичь более благополучной, чем у остальных, жизни. К тому же они меньше обременены навязчивым вниманием со стороны полиции и Чрезвычайной Комиссии».

Это был Рассел. И за это его у нас не печатали вплоть до перестройки. А мы добавим, что сразу же после революции «самые важные» **ррр**революционеры переехали в отнятые у прежней власти здания. И заняли отнятые у прежних хозяев квартиры. Злоязычные журналисты поведали, что Троцкий взял себе пятикомнатную квартиру в Питере. Сказалось... голодное детство. Но это еще что! Тот же Троцкий после переезда правительства в Москву запретивал на самые «исторические» апартаменты в Кремле, чему воспротивился Ленин. Но и он, вроде как самый бескорыстный среди революционеров, ездил на единственном в России царском «роллс-ройсе». А потом жил и умер в большом помещицком усадебном доме в Горках («Горках Ленинских»). Черный юмор, да и только.

Б. Рассел написал свое эссе в 1920 году, спустя всего три года (то есть сразу же) после революции. Еще жив и у дел — Ленин.

А «Багдадский вор» Саддам Хуссейн... А Ясир Арафат... А теперешние оранжевые революции... У Юлии

Тимошенко, по сведениям русских и украинских шпионов, во времена «Майдана незалежности» на личном счету было полтора миллиона долларов.

Расслоение в России, подмеченное Расселом, увеличилось. Место ленинской гвардии заняли советские лидеры, выбившиеся через сталинские «призывы в партию», через хрущевско-брежневский комсомол. И при них уже распустили свои ветви «Березки», появились специальные деньги для власти и ее прислужников — боны. Мы помним и такой дискриминационный механизм, как загранкомандировки (для «не всех»). Но всего, что было при «развитом» социализме, и не упомянуть. «Провинция — не продохнуть», — Маяковский.

Это происходит потому, что как только появляются малейшие возможности для эксплуатации, даже «очень нравственные» люди лукавят и оправдываются: говорят себе и другим, что они имеют основания для привилегий. Поликлиника для старых большевиков. Спецмагазины, о которых говорил Рассел... А потом, много позже, Ельцин, когда рвался к президентству, говорил о том, что везде, мол, спец-, спец-, спец-... А себе устроил спецоперацию на сердце, которую проводил крупнейший в мире кардиохирург Дебейки. Для оправдания всех этих спецбольниц и спецстоянок они именуют себя элитой. А журналисты вместо того, чтобы посмеяться над этим, подхватывают: элита...

Особый кайф — гигантомания в «увековечении» имен... Ленинград, Ленинабад, Ленинакан. Сталинград, Сталинобад, Сталино. Калинин, Калининград, (бывший Кенигсберг), Калининград (подмосковный). Киров, Кирово, Кировск, Кировоград (бывший Елисаветград). Большевики «помельче» получили по одному городу: Молотов, Куйбышев, Буденновск. И эта безвкусица тоже ведь имеет исторические корни: «Петру Первому — Екатерина Вторая», Елисаветград (в будущем Кировоград), Екатеринбург. И ведь не только Россия грешила. Вспомним Вашингтона и Вашингтон. Улицы, учреждения, премии... О! Это еще один кладезь чванливо-мелкого честолюбия. Ленинский проспект, пединститут имени Крупской, Сталинская премия... А где похоронят? Мавзолей, ладно, это только Ленину и его «другу» Сталину. Но все-таки... у кремлевской стены, в самой стене, или на худой конец, на Новодевичьем, а уж на совсем худой — на Ваганьковском...

Династии... «Мой отец — профессиональный революционер», — это написал Василий Сталин.

Любят революционеры и покровительствовать. Они «великодушны». «Берите суверенитета сколько хотите» — это, «понимаешь», Ельцин. А Хрущев вообще целыми полуостровами одаривал, и не какими-нибудь «чукоточными». Подарил, на минуточку, полуостров Крым, здравницу России. Ну как же, Украина была его вотчиной. А мы теперь в Крым «ездим» за рубеж.

Чванство поддерживается журналистами: «первые поздравляют первых», «423-е место в журнале Форбс»...

При этом недовольный новыми эксплуататорами (ранее эксплуатируемый предыдущими эксплуататорами) народ снова восстает, но его снова подавляют уже новые власти. Кронштадтский мятеж, крестьянское восстание в Тамбовской губернии («антоновщина»), морской капитан Саблин. И т. п.

Не буду уж тратить время на доказательства, что псевдокоммунистический хрущевско-брежневский «социализм» — это тоже эксплуатация, квазисоциализм. Лучше вспомним, что в период с 1908 по 1913 год, то есть незадолго до русской революции 1917 года, был написан пророческий роман Анатоля Франса «Восстание ангелов»... Сатана, поднявшийся против Бога и низвергнутый им в Ад, готовит новое восстание. Ему снится, что он победил и сам стал Богом. Со всеми присущими властям предрержащим минусами. Проснувшись, он решает навсегда остаться «в оппозиции». Разумеется, Франс создал поэтическую инверсию: под Сатаной он понимал разумное и доброе начало, которое клерикалы расценивали как злое. Франс — созерцатель и только. Но ведь как созерцал...

Октябрьская революция 91-го года. Все то же самое. Здесь обошлось без массовых репрессий. Но последовало несколько самоубийств. Пуго испугался и застрелился, Кручина закручинился и выбросился из окна... Да вот еще маршал Ахромеев... не смог перестроиться — и тоже неожиданный суицид... И памятники: низвергли железного Феликса, ну, как в свое время — Александра Третьего... «Все то же, Сережа, все то же, Володя...» — Цветаева. Но есть и особенности. О, они интересные и знаменательные. В свое время большевики национализировали то, что **веками и десятилетиями** накапливалось у «верхов». Дань, собираемая князьями. Богатства дворян, созданные крепостными. Копеечка к копейке, рубль к рублю, за счет прибавочной стоимости, то есть за счет недоплат, складывались состояния российской буржуазии. И вот **все**, что в 1917 году национализировано большевиками, было **распилено** на ельцинско-гайдаровско-чубайсовско-коховских аукционах. То есть нашим «олигархам» без напряжения достались состояния, **немыслимые до семнадцатого года**. В результате возникло расслоение, неслыханное ранее и несравнимое в международном масштабе. Шутка ли, в Москве так называемый децильный коэффициент (отношение доходов десяти процентов самых богатых и десяти процентов самых бедных) составляет ныне больше 40. При том, что в США он 7—8, а в странах Скандинавии 3—4. И при том, что на Западе при децильном коэффициенте 10 обычно возникает революционная ситуация.

Учтем, что наши олигархи не накопили свои богатства даже за счет прибавочной стоимости, они даже не накопили навыков в накоплении средств.

Они даже не наживались, как до семнадцатого года, а просто «оказались в нужное время в нужном месте». И если всякие, там, горьковские Артамоновы, Булычевы и Железновы как-то развивали производство (конкуренция все-таки работала!), то сегодняшние магнаты упиваются своим положением и ничего не делают для прогресса. Они научились только тратить. Стало привычным обсуждать, что они не развивают технологии, а импортируют продукцию и экспортируют углеводороды, обогащаясь сами и обогащая другие страны, но не Россию. Но самое (употребим модное слово) «контрпродуктивное» — то, что **они занимают место и не занимаются делом**. Спротивляются продвижению идей и людей. Тормозят мелкий и средний бизнес. Они — **тромбы, забивающие сосуды**, по которым должна была бы циркулировать живая кровь. Не сбросишь со счетов, что все это деморализует российское общество. Они вызывают зависть и желание им подражать. И, следовательно, увеличивают экономическую преступность, а вслед и прочую уголовщину. Они увеличивают ненависть у большей части народа — достаточно послушать интерактивные опросы на «Эхе Москвы» и на «Русской службе новостей». И в итоге — бунт, бессмысленный и беспощадный — февральско-октябрьский семнадцатого года с последующим цветавским «Все то же, Сережа, Все то же, Володя...»

Кстати, обрисованный итог можно считать **самым серьезным просчетом** честных большевиков-ленинцев. Большевики, получается, создали олигархов, которые хуже дореволюционных капиталистов: более ленивые, более наглые. Идеализм и фанатизм большевиков, их страстная некритичная вера в себя, в свои идеалы к этому и привела. И подвела: нужна была умеренность в уверенности.

Итак, **любая власть** (все мы люди, все мы человеки...), даже если в начале процесса «суждены нам благие порывы», **портится**. Становится чванливой, жадной. Эксплуатирует людей. Не выполняет своих функций. Политическая власть сращивается с бизнесом и с криминалом...

Конечно, не все властители — преступники, но преступления власти, представленные в СМИ, — это только видимая часть айсберга. Конечно, и она впечатляет, но понятно, что невидимая часть существенно больше.

Итак, все возвращается на круги свои. И реки текут, чтобы опять течь. И ничто не ново под луной... Этот красивый библиейский пессимизм подкрепляется красивым современным пессимизмом Блока:

«И повторится все, как встарь...
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь...»

А пять—десять лет спустя: «Все то же, Сережа, все то же, Володя»... Поэты более тонко и обостренно, по сравнению с социологами, чувствуют социальные закономерности....

А теперь посмотрим, **выигрывает** ли кто-нибудь в революциях...

Низы? Да нет. Как были подавляемыми, так и остались. Сменилась лишь форма подавления и конкретные люди у власти. Марксисты толковали, что это, дескать, так было только до них, а они — совсем другое дело. Но если в голодно-блокадном Ленинграде Жданов выбрасывал протухшую икру, то... «Все то же, Сережа, все то же, Володя...»

Может быть, выигрывают сами агрессивные **рреволюционеры**? Но кого из них можно было бы назвать счастливым? Ленина? Троцкого? Зиновьева? Бухарина? Сталина? Фрунзе? Тухачевского? Вопросы-то риторические... Припомним, как все они умирал... Несчастные, несчастнее не найти...

Таковы закономерности революций.

Так стоит ли яркая революционная игра таких коптящих свеч?

Не-а!

***

Но вот власть правдами-неправдами захвачена. Захватившие власть довольны собой и своим творчеством и не хотят быть свергнутыми очередными недовольными ею. Новая власть **не хочет** очередных **революций**.

А мы, **большинство народа**, хотим? Да нет, не хотим. Лишь некоторые, особо агрессивные и самолюбивые, с комплексами неполноценности и с гиперкомпенсацией, рвутся к власти, хотят «свергнуть и захватить», думая о себе, что, мол, мы лучше, справедливее, умнее, чем прежние... И вот все опять свергнуты в это «свергнуть»? А мы, большинство, скажем: нет уж...

Устранять несправедливость и обеспечивать развитие производства — нельзя ли обеспечить здесь успех **без** революций? У меня есть некоторые основания для осторожного, сдержанного, но все же оптимизма.

Будем точны: нельзя сказать, что власть никогда ничего для народа не делает. Князя, чтобы собирать дань со смердов, должны были их **защищать** от других князей и чужеземных властителей. Цари не только отрубали головы Разину и Пугачеву, не только повесили пятерых декабристов, но худо-бедно организовывали производство, образование, медицину... Петр I на костях крестьян, но построил-таки «юный град», который очаровал Пушкина. Жданов не только оскорблял Ахматову и Шостаковича, но вместе с Жуковым организовывал оборону Ленинграда... Власть это делала не по доброте душевной, а для того, чтобы упиваться собой и есть икру в блокадном Ленинграде.

Ну, так, может быть, не впадая в административный восторг, но и не призывая к очередному слову государственной машины, имеет смысл упорно тру-

даться над **эволюционными** преобразованиями... Это выровняет процесс развития социальной жизни, делает его менее травмирующим. Пусть **с шероховатостями, но без резкостей**. Уточним, однако, что предотвращать надо именно революции, а не социальное развитие и не улучшения в соблюдении справедливости.

При этом можно опираться на психологические свойства тех, кто хочет работать во власти. Большинство чиновников, осуществляющих власть, — люди деятельные. Они активно идут во власть, конкурируют. Продолжают конкурировать, добившись власти. За карьерное повышение. За атрибутику: машина, дача, кабинет. За личное богатство. Кто-то из них, может быть, честно старается, работает, но что-то получается, а что-то — нет. А иные больше стараются приноровиться к другим власть предержащим и, стремясь понравиться избирателям, манипулируют общественным мнением. А то и вовсе лавируют, ловчат, склонны смошенничать, обогатиться за чужой счет, выжимают взятки, требуют откаты. Иногда их отлавливают, отдают под суд. И хотя мы помним, что это только видимая часть айсберга, в целом можно сказать, что при всех минусах они как-то работают. И при этом цепко держатся за власть. Только бы продержаться, только бы продержаться... Ведь большинство правителей ничего, кроме жизни во власти, не умеет. Вот и цепляются.

Конечно, многие из них больны социальным неврозом: они психозащитно считают себя хорошими, оправдываются тем, что все так делают. Кланяется здесь и другой социо-невротический механизм — упомянутая уже адлеровская «гиперкомпенсация». Но пока не о социо-психотерапии приходится думать, а о том, чтобы не допустить мирового ядерного пожара, который вспыхнуть может из-за локальных революций, возникающих по их вине.

Мы, интеллигенция, иногда кичимся своей непричастностью к власти, поругиваем, а то и отчаянно ругаем... Но, пользуясь нашей бездеятельностью, терпимостью, ленью, трусостью, высокомерием, большинство находящихся у власти хотят *урвать* побольше. И *нарываю*тся на революцию. Но и мы ведь поедаем ее плоды.

А может быть, лучше так. Дадим им, пока они не вылечились, ну, не «навластвовать всласть», по Окуджаве, но хотя бы не быть выброшенными на обочину, как Березовский, или убитыми, как Каддафи. И поставим им такие рамки, в которых они вели бы себя «прилично» и помогали бы нам решать локальные конфликты с представителями других слоев и с разными ветвями власти же. Надо *им помочь нам помочь*...

Стремление *удержаться* у власти и работать в ней, получая положительные оценки и справедливую достаточную плату, может быть мотивом к сотрудничеству с народом, а не с криминалом. А мы, народ, могли бы опираться на это стремление и регулировать де-

ятельность власти. Представителей власти надо заставить работать без нарушений и осуществлять волю народа.

Надо сделать так, чтобы было выгоднее идти на компромиссы с народом, чем быть выгнанными по североафриканскому сценарию. И им, и нам надо хотя бы предотвратить его, этот североафриканский сценарий. Тем более, что уж больно напоминает он нам о «Великой Октябрьской» и о ее продолжении в тридцать седьмом.

У власть имущих часто отсутствует такой **внутриличностный** регулятор, как совесть. Поэтому выход единственный — обложить их со всех сторон **внешними** регуляторами. Ими должны стать **социальные механизмы, детально** регулирующие отношения власти с народом в целом и с отдельными личностями. Причем делать это надо в расчете на то, что людей совестливых мало, а негодяев и простых обывателей много больше. Не стоит обвинять и сетовать. «Люди как люди. Легкомысленны. Любят деньги. Иногда склонны сделать добро» (Воладта-Булгакова цитирую по памяти). Нравственных гениев — раз, два, и обчелся... И рассчитывать, что их непосредственное влияние будет значимым, вряд ли стоит. Нравственное совершенство всего народа — утопия. Но не стоит отказываться от нравственного совершенствования. Надо придумать такие социальные механизмы, которые принуждали бы **нравственно несовершенных людей не совершать крупных подлостей** и мелких пакостей. А стимулировали бы свершать что-то положительное, от **мелких услуг** до больших **подвигов**. И давайте части из них поможем **честно** приходиться к власти и **честно** удерживаться у власти. В том числе людям, не обремененным совестливостью, но деятельным. Ну, ведь не хочет же человек, чтобы его выгнали с позором, хочет нравиться народу, получить голоса, услышать нелестивую похвалу. Но если наказание не неотвратимо, если совести как внутриличностного сдерживающего фактора не хватает, если соблазны слишком велики, тут-то и прорастает в чиновнике этакий ильфо-петровский Безенчук, а то и сам Остап Бендер, а то и вовсе Джагга из «древнеиндийского» фильма Раджа Капура «Бродяга».

Здесь уместен торг. Мы им заплатим не так много, но побольше. А они согласятся на это «не так много, но побольше» и будут работать. А мы без агрессии, но с пристрастием будем их контролировать, а потом или пусть работают, как договоримся, или будем смещать и замещать их.

Мы не рассматриваем сейчас проблему власти. И ее негатив мы дали только для того, чтобы объяснить: избежать революций надо, **несмотря на наличие негатива**. Потому что из двух зол выбирают наименьшее. Сначала все-таки надо **предотвратить революции** в классическом понимании: слом государственной машины, экспроприация экспроприаторов, казни, репрессии, изгнание, унижения, оскор-

бления и т. д. И при всей симпатии к самоотверженному Лимонову, как и к самоотверженным в прошлом народвольтцам, атомному взрыву стоит предпочесть управляемую ядерную реакцию. Власти тоже не хотят этого ядерного взрыва.

В разных дискуссиях накопилось немало конкретных **предложений** относительно таких социальных механизмов, регламентирующих власть. Здесь и контроль со стороны общественных организаций, и сменяемость власти (два срока — и все), и возвратить одномандатные округа... Звучат призывы избирать, а не назначать правоохранительные органы (как шерифов в США). Законы должны быть понятны без комментариев и подзаконных актов (нужно прямое действие закона). Законы надо прорабатывать детально и формулировать логически грамотно (например, опасное понятие «экстремизм»: без четкого определения любая критика может быть подведена под эту статью).

Предлагаются антикоррупционные меры: неотвратимость наказания, декларация расходов, конфискация имущества, увеличение зарплат работникам правоохранительных органов с одновременным увеличением наказания им за коррупционные действия.

Обеспечить реальный общественный контроль выборов. Устранить обезличку партийных списков. Ввести взаимный контроль ветвей власти. Обеспечить прозрачность действий власти.

Власть должна быть доступна. Должна быть разработана технология отчетности для выявления нарушений. Важны преобразования и в сфере налогообложения: прогрессивный дифференцированный подоходный налог, налог на роскошь.

В разных странах уже внедрены те или иные социальные регуляторы. В других — другой их набор. Вот в США — выборность шерифов и два срока, а в Швеции самый высокий налог на богатство... Наверное, имеет смысл изучить все виды социальных регуляторов, используемые в разных странах. И, учитывая позитивный опыт других стран в отношении того или иного социального регулятора, в России ввести **весь реестр целесообразных социальных регуляторов**. Здесь я не ставлю задачу обсудить исчерпывающе весь этот реестр. Это делают другие компетентные авторы. В сущности, «процесс пошел». Надо его осознать и психологически грамотно управлять им...

Для этого неплохо было бы в законодательные органы ввести в качестве консультантов независимых психологов-конфликтологов. Они должны быть как бы над схваткой, вне партий.

Сегодня большинство людей склонно **безответственно не участвовать во властных делах**. И делегировать, а то и просто отдавать на откуп свое волеизъявление другим безответственным, которым нравится **барахтаться в управленческой грязи**.

Почему? Потому что лень. Потому что хочется выспаться. Потому что страшит ответственность. Потому что не хочется трудовых напрягов, упреков, недовольства. Потому что неудобно предлагать себя. Потому что не хочется рисковать. Большинство обывателей-избирателей предпочитает: семейные ценности, дружбу, секс, стабильность, дачу, рыбалку, путешествия, книги, фитнес, спорт, быть в роли болельщиков... Интеллигенция... та вообще чурается... Платон, учитель Аристотеля, говорил, что править государством должны мудрецы. Сегодняшние наши мудрецы не рвутся к власти. Наука, высокое искусство, творчество в целом привлекательнее. А власть — это что-то низменное, типа того, что **любая власть от дьявола, а не от Бога**.

Но постепенно политическая активность народа повышается. По мере преодоления царистской ментальности появляется самовыдвижение. Пусть и по инициативе верховной власти, организована и работает общественная палата, тоже вроде из интеллигенции.

Увеличивается сопротивление нарушениям законов на местном уровне. Вспомним буговский бунт против лужковских выселений из собственных домов (а он, доктор химических наук, посмел назвать сопротивляющихся жлобами). На памяти защита Химкинского леса, история с «Речником»... Я отмечаю в последние пять лет рост такого явления, как обратная связь со слушателями-зрителями на РТВ в прямом эфире в режиме онлайн. В этих передачах активизируются размышления над социальными трудностями и сопротивление несправедливости со стороны звонящих. Появились передачи типа «Контрольной закупки», «Народного адвоката», «ЖКХ», «Досудебного урегулирования конфликтов». Это все, на мой взгляд, свидетельство увеличения политической активности народа.

В СМИ появляется все больше сообщений о нарушениях-злоупотреблениях-преступлениях в среде бизнеса и госслужащих. Это можно расценить как знак стремления определенных структур в верховной власти к размеренному планомерному сопротивлению бесчинствам «средней» и низовой власти, бизнеса. Журналисты полагают, что верховная власть показывает свою антикоррупционную волю только потому, что грядут выборы. Даже если это так, это все равно можно расценивать как позитивную тенденцию.

Но всего этого все-таки мало, чтобы предотвратить революционные взрывы и чтобы сложилось все, как я уже сформулировал: «пусть, с шероховатостями, но без резкостей»... Есть **еще** один фактор, без которого все упомянутые факторы окажутся недейственными, автомобилем без водителя, компьютером без программ. Ему, на мой взгляд, **принадлежит главная роль**. Он является главным действующим лицом. Займемся им.

***

Существующие структуры власти по определению настроены против ограничений их своеволия. Так что сопротивление с их стороны вновь вводимым социальным регуляторам определено последует. Точно так же сопротивление ожидает и того, кто потребует следовать уже узаконенным социальным регуляторам. Поэтому сколько и каких бы **социальных регуляторов** ни мыслилось, их **разработка и внедрение, равно как их использование, зависит от конфликтологической компетентности народа.**

Если все возникающие конфликты, связанные с **введением и применением** справедливых законов, будут разрешаться, что называется, **на месте**, если справедливость будет восстанавливаться «здесь и теперь», то энергия агрессии **не будет сдерживаться и накапливаться**. А значит, **не будет социальных взрывов**. С другой стороны, не будут накапливаться и проблемы, они будут решаться по мере возникновения на разных уровнях; это тоже будет способствовать предотвращению революционных потрясений. Нам, как и Столыпину, не нужны великие потрясения. Ну, а для величия России нужна конфликтологическая компетентность народа, которая должна включать некоторые психологические знания и умения. Займемся этим подробно.

Психологи издавна используют понятие «интеракция», расшифровывая его как «единицу общения». Она состоит из *инициального посыла и ответа*. И посыл, и ответ — это не мгновенья, а длящиеся во времени сложные *коммуникативно-поведенческие акты*. Поэтому лучше говорить об *инициальном и ответном коммуникативном действии*. А если эти акты многочисленные, то можно говорить об *инициальном и ответном коммуникативном поведении*. При этом имеются в виду отношения и общение.

Об инициальном коммуникативном послыле, направленном на удовлетворение какой-либо потребности партнера, мы говорим как о *синтонном*, то есть созвучном потребностям *посыле*, или **синтоне**.

Но инициальный коммуникативный посыл может фрустрировать (напрягать) ту или иную значимую потребность партнера. Это с высокой вероятностью вызывает агрессивную реакцию и далее конфликт. Поэтому о таком послыле мы будем говорить как о конфликтогенном послыле, или **конфликтогене**.

Инициальное коммуникативное поведение **оптимально**, если из него **изымаются конфликтогены, и оно насыщается синтонами**. Оно **неоптимально, если насыщено конфликтогенами при отсутствии синтонов**.

Надо научить **всех**, в том числе государственных служащих и людей бизнеса, изымать из коммуникативного поведения конфликтогены и насыщать его синтонами. Провести тренинги для всех и каждого.

Если все и каждый постараются оптимизировать в этом ключе свое инициальное коммуникативное

поведение, всем и каждому уже станет жить легче. И это не идеализм. Часть людей, может быть, не БОльшая, но большАя, будет стараться это делать, если как следует заняться таким воспитанием. Идеализмом было бы считать, что выполнять сказанное в духе нравственного категорического императива Канта бросятся все. Но тех, кто не принял душой эту парадигму оптимизации отношений и общения, надо принудить принять. То есть те, кто не хочет подавать синтоны, — Бог с ними. Но те, кто *хочет* подавать **конфликтогены**, — с ними не Бог, а дьявол. И мы будем им сопротивляться. Иначе революция, и тогда возвращаемся к началу разговора и снова приходим к выводу, что проигрывают все, в том числе и те, с кем дьявол.

Сказанное относится к материальной эксплуатации как род к виду. Но не будем упускать из виду и то, что, например **знаки** превосходства, чванство могут быть социальными раздражителями даже более сильными, чем материальная несправедливость.

Реагирование на конфликтогенное поведение чаще всего неоптимально.

Самый частый вариант такой. В ответ на инициальный конфликтоген выдается конфликтоген, причем ответный конфликтоген — с резкой передозировкой! Это — как бы «проскок при распрямлении сжатой пружины». Такая неоптимальная (неадекватная по силе) реакция имеет *«конфликтотформирующее» продолжение*. «Вычтем» из ответного (с передозировкой) конфликтогена инициальный и получим в виде разницы конфликтоген же. При этом «конфликтотген-разница» много больше конфликтогенного первотолчка. Партнер-«зачинщик» получил больший конфликтоген, чем сам подал. Теперь он более фрустрирован (унижен) и отвечает с передозировкой уже на этот конфликтоген-разницу. То есть следует еще более сильный «ответ на ответ», можно сказать, реванш с передозировкой. Такие реванши с передозировками следуют попеременно один за другим. Амплитуда агрессивных ответов в цепи «стимул — реакция (стимул) — реакция (стимул)...» увеличивается. Напряженность усиливается, как и готовность к более разрушительным действиям. Налицо **эскалация конфликта**. Эскалация может привести к драке, которая закончится тем, что вас разнимут, или кто-то уступит позицию. Или драка приведет к убийству, а дальше — это война с вовлечением все большего количества участников («увеличение рядов», по Джеффри Рубину с соавторами). Таким образом, вербальный конфликт и война — это начало и конец некоторого континуума.

Чрезмерная реакция на конфликтоген, получается, — начало *неуправляемого конфликта*. Неуправляемого... Потому что здесь в управлении не участвует разум, а срабатывают бессознательные механизмы. А почему с каждым витком конфликта увеличивается агрессия? Это можно понять в рамках биологической целесообразности. Того, кто первым начал аг-

рессию, надо прогнать или уничтожить. То есть логика все же есть. Биологическая логика. «Биологика». Можно считать классикой в этом отношении то, что на слуху: Иван Агафонов подходит с неуклюжей шуткой к девушке Расула Мирзаева и получает смертельный удар.

Взрослея, человек научается сдерживать агрессивные импульсы, и поэтому неуправляемый конфликт у взрослых обычно ограничивается вербально-невербальными *коммуникативными* средствами. Более того, чаще люди останавливаются *на одном из витков* эскалационной спирали. Обычно конфликт прекращается с приближением к нравственным или юридическим границам (повышение тона, нецензурные выражения, рукоприкладство). И даже более того: агрессия сдерживается *на первом же витке*.

И тогда мы получаем качественно иную форму реагирования, которую иногда называют скрытым конфликтом, на поверхности которого — **«холодная напряженность»**.

То есть: словесное вроде бы молчание, но на лице напряженное, строгое, осуждающее, злое, ненавидящее, холодное, негодующее... выражение. «Народ безмолвствует». Но недаром лучшее произведение Пушкина заканчивается этой авторской ремаркой. У Пушкина ведь в другом месте сказано, что за таким терпеливым безмолвованием следует бунт, и он бессмысленный и беспощадный. Итак, народ молчит. Но грозно молчит. Как бы предгрозовое удушье. Здесь молчание не есть знак согласия. Здесь оно знак несогласия. И вот кто-нибудь, пусть очень вяло, запротестовал. Это искра в пороховой бочке. Или другой образ, с которого мы начали: неуправляемая ядерная реакция, атомный взрыв.

Итак, срыв сдерживания грозит неуправляемым конфликтом. Но далеко не всегда находится этот кто-то, кто запротестует. Тогда холодная напряженность в чистом виде продлится достаточно долго.

Третья форма неоптимального реагирования — **пристройка снизу**. Вот поступил конфликтоген, который вызывает в человеке страх, угнетенность, чувство бесперспективности сопротивления. И тогда в адрес агрессора идет приниженная просьба, его умоляют, принимают его несправедливые условия, на которых он готов прекратить или ослабить свое конфликтогенное поведение.

Надо научить каждого и всех правильно реагировать на конфликтогенные посылы со стороны партнера. Тогда человек, подающий конфликтогены, вынужден будет уступить и, поняв, что сопротивление его конфликтогенам будет происходить всегда, не будет их впредь давать. То есть каждый небольшой локальный конфликт будет разрешаться тут же, «не отходя от кассы».

Не будет накапливаться социальное раздражение, которое могло бы грозить взрывом...

Во-первых, потому что конфликты, как было сказано, будут разрешаться, а не накапливаться и не концентрироваться.

Во-вторых, потому что агрессия у каждого человека в каждом данном сюжете будет разряжаться, а не скапливаться.

Все обрисованное обеспечивает в значительной мере выход агрессии мирным путем, с направленностью ее на конкретные конфликтоопасные узлы. Энергия агрессии не будет сдерживаться, задерживаться и накапливаться в опасных «революциогенных» концентраторах. И не будет революционных взрывов.

Научить реагировать... — этому посвящены мои книги «Лабиринты общения» (АСТ ПРЕСС, 2002, 2011) и «Психология конфликта» (МАРКЕТ, 2010).

В них описана стратегия коммуникативного поведения, основу которой составляет самоактуализация по Маслоу, при которой человек живет за свой счет, а не за счет других людей. При этом он имеет возможность дарить излишки своей творческой работы другим людям. Он изымает из своего поведения все поддающиеся учету инициальные (не обусловленные поведением партнера по общению) конфликтогены. Он насыщает свое коммуникативное поведение инициальными же синтонами. В ответ на спонтанные синтоны со стороны партнера подает синтоны же. И даже в ответ на мелкие конфликтогены он подает синтоны. А в ответ на значимые конфликтогены проводит мягкую конфронтацию, при отсутствии результата — жесткую конфронтацию и далее — управляемый конфликт.

Все это мы расцениваем как системную *деконфликтизацию отношений и общения*. **Сопротивление каждому конфликтогену проводится размеренно, системно, постоянно, планомерно, осознанно, дозированно, конструктивно, «управляемо». И непременно (обязательно).**

Опыт психолого-конфликтологического обучения граждан, полученным на кафедре конфликтологии МФПА, мы готовы безвозмездно поделить с теми, кто мог бы проводить такое обучение: с психологами, социологами, педагогами, вузовскими преподавателями гуманитарных дисциплин. Он опубликован.

Мы полагаем, что это будет способствовать миру не только в мире (в микросоциуме), но и в мире (в макросоциуме). Обучение все большего числа людей так понимаемой деконфликтизации переведет на более конструктивные рельсы **энергию масс**. Вместо хаотичных агрессивных разрушительных действий люди *освоят* оптимальные формы реагирования на конфликтогенные посылы. Это позволит **разрешать противоречия, а не разрушать отношения**, и принудит снизить вероятную инициальную конфликтогенную несправедливость со стороны властей и бизнеса.

Власть может стать «психолого-конфликтологически» грамотной... более того, она должна способствовать развитию психолого-конфликтологического просвещения. Власть может вовлечь в этот процесс интеллигенцию. Миссия интеллигенции — в привитии нравственных принципов народу. Народ не надо обожествлять, как это притворно делали большевики. Или не притворялись, ладно, а искренне ошибались... Да нет, все-таки притворялись, давали моральную взятку, манипулировали, чтобы управлять, и использовали во властных же целях. Ну, опять, «ладно», не все большевики. Но это не так уж и важно. Важнее, что народ в основе своей не столь уж нравственный, и пресловутое терпение его тоже притворное. Страх, который сменяется тем, что крышу срывает из-за бунтарской вседозволенности. А вот перестали испытывать страх — стали нагонять его на всех. А интеллигенция? Она, повторим это, должна быть вовлечена в процесс психолого-конфликтологического просвещения. В частности и в особенности (и в первую очередь) это должны быть психологи. Пусть акценты в психологической практике будут смещены на эту более значимую тематику.

Психологи до сих пор воспринимались как носители чего-то нематериального — мол, «психэ — душа». Но психология может быть силой. Если ее носители — психологи — научат людей преодолевать мерзость в себе и сопротивляться мерзости (эксплуатации, чванству, самовозвышению за счет унижения других) в людях. Психологи — это в первую очередь. Но, понятно, одним психологам всю проблему не поднять. Они могут развить психолого-конфликтологические технологии. Поле для такого развития большое. Они разработчики. А дело просвещения и воспитания должна взять на себя **средняя школа**. Где, если не в ней, в средней школе, должна формироваться конфликтологическая компетентность народа?

Она должна включать материал о социальных регуляторах. Старшеклассник должен уметь разбираться в том, как ограничивать произвол властей и мошенничество работодателей. Как и в том, какими способами работник может халтурить, получая более высокую плату (работник тоже может эксплуатировать). Но более важна для средней школы собственно психолого-конфликтологическая часть.

И то, и другое целесообразно внедрить. Может быть, за счет избыточных часов даже по математике.

Потому что психологическая конфликтология нужна каждому, а математика в том объеме, который дается, нужна будущим инженерам. На всякий случай подчеркнем: внедрить бесплатно! Сначала это могут быть факультативные занятия, проводимые социальными педагогами и педагогами-психологами. Пока что их интересы, как было уже замечено, локализуются в множестве других вопросов (к тому, что было упомянуто, добавим ЗПР, мнемонику, моторную неловкость...). Не отрицая их важности, все же имеет смысл сместить акцент на более значимые психолого-конфликтологические проблемы. Впоследствии для старших классов должны быть разработаны адекватные программы.

Преподавание конфликтологии старшеклассникам апробировано нами в 1999—2000 учебном году в Московской школе №1041 и в 2011 году в группах колледжистов (непрерывное образование) МФПУ «Синергия». Вывод, который мы сделали из этого эксперимента, вполне положительный. Старшеклассники готовы к такому курсу.

Поскольку обсуждавшееся содержание релевантно и историческим дисциплинам, и обществоведению, в их программы в средней школе могут быть включены соответствующие вопросы. В параллель с собственно психолого-конфликтологическими программами.

В вузах все это может быть продолжено в углубленном варианте преподавателями философии и конфликтологии.

Итак, «мы решили», что конфликтологическая компетентность народа должна формироваться в средней школе. А как быть с теми взрослыми, кому не довелось получить конфликтологических знаний в средней школе? Наверное, надо добавить это в других формах. В виде психологической и психотерапевтической помощи населению. В порядке культурно-просветительской работы с людьми. Хорошую роль могут сыграть педагоги, философы, врачи-психотерапевты, журналисты — вся интеллигентская рать... Надо обучить всех людей такой оптимальной психотехнике общения. И это не просто просвещение, а механизм спасения.

Не стоит надеяться на быстрый эффект. «Дуги гнут не сразу и не вдруг». Но **капля точит камень**. И, наверное, это единственный путь достижения продуктивного социального мира.